

З. Г. Кривоусова

Новокузнецк, Россия

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СЮЖЕТЫ В «ДЕТСКОЙ КНИГЕ» Б. АКУНИНА

Рассматриваются собранные в «Детской книге» Бориса Акунина наиболее распространённые сюжеты отечественной и переводной литературы. Анализ произведения предваряется справкой о специфике детской книги. Сюжетные линии повести рассматриваются в связи с традиционными жанровыми разновидностями, представленными в литературе для детей и подростков. Выявляются сюжетные ходы, присущие сказочной, психологической, приключенческой, исторической, фантастической, детективной повестям, антиутопии, а также фрагменты, стилизованные под житие и статьи детской энциклопедии. Обращается внимание на использование литературных аллюзий и реминисценций: введение имён популярных литературных персонажей (Лиса Алиса и кот Базилио, Дон Румата, принц Флоризель), а также названий произведений («Янки при дворе короля Артура» Твена, «Тимур и его команда» Гайдара).

Ключевые слова: литературные сюжеты, детская книга, специфика детской книги, жанровые разновидности повести, литературные аллюзии и реминисценции.

«Детская книга» положила начало популярному литературному «проекту» Бориса Акунина «Жанры». В интервью газете «Известия» писатель отмечал, что в этой серии произведений «будут представлены “чистые” образцы разных жанров беллетристики, причём каждая из книг носит название соответствующего жанра. Первый этап – три книги. В дальнейших планах – “Семейная сага”, “Производственный роман”, “Страшная книжка”, “Женский роман” и т. д.» [1, с. 15]. На наш взгляд, «Детская книга» в череде уже увидевших свет («Шпионский роман», «Фантастика», «Квест») наиболее удачна, поскольку в ней объединены самые распространённые сюжеты отечественной и переводной детской литературы.

Прежде чем обратиться к рассмотрению сюжетов данного произведения, необходимо дать небольшую справку о специфике детской книги как таковой. Известно, что к детской литературе некоторые исследователи относят не только то, что адресовано детям, подросткам и юношеству, но и созданное ими самими. Кроме того, в круг детского чтения прочно вошёл и целый ряд произведений, изначально не адресованных этой возрастной категории. Главные герои детских

Кривоусова Зинаида Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент Новокузнецкого института Кемеровского государственного университета (п/о 11, а/я 31, Новокузнецк, 654011, Россия; sinafil@yandex.ru; +7 (384 3) 62 79 18)

книг, как правило, ровесники читателей, но настоящая детская книга чаще всего имеет двойной адрес, то есть интересна не только детям, но и взрослым. Наконец, книга для детей обязательно содержит иллюстрации.

Сознательно или не осознанно, Акунин создал именно *детскую книгу*: в его произведении соблюдены все приведённые выше характеристики. Интересно, что в жанровом подзаголовке оно обозначено как *роман* [2, с. 4], а на первой странице именуется *повестью*, которая, к тому же, не должна «восприниматься как сказка» [2, с. 6]. Воспринимать «Детскую книгу» как роман могут только дети из-за превышающего типичную повесть для детей объёма и большого числа персонажей.

Для взрослого читателя это повесть: в центре внимания автора один главный герой, в линию приключений которого укладываются сюжетные ходы, – все события подаются через восприятие Ластика. Писатель вовлекает читателя в литературоведческую игру: определение *повести* не только маркирует жанр, но и противопоставляет путешествия героя в прошлое и будущее *сказке*, предполагающей неправдоподобие, «а между тем все описываемые в ней события произошли на самом деле» [2, с. 6].

В литературе для детей, подростков и юношества выделяют целый ряд разновидностей повести: сказочную, психологическую («школьную»), приключенческую, историческую, фантастическую и пр. Произведение Акунина начинается со сказочного зачина, но с оговорками, подчёркивающими *правдивость* изложенного: «Жил-был на свете, а если точнее, в столице Российской Федерации городе Москве, один мальчик, а если точнее, ученик шестого класса по прозвищу Ластик. И вот однажды, а если точнее, 29 сентября 2006 года, этот мальчик угодил в историю» [2, с. 6].

Центральной сюжетной линией «Детской книги» является сказочная, предполагающая нарушение правдоподобия – путешествие ребёнка во времени и пространстве. Можно перечислить множество произведений с подобным сюжетом: от «Алисы в Стране Чудес» Кэрролла и «Хроник Нарнии» Льюиса до «Летающего мальчика» В. Каверина, сказок А. Шарова и цикла «В глубине Великого Кристалла» В. Крапивина.

Сказочность сюжета усиливается образом главного героя, «обыкновенного необыкновенного мальчика». И в фольклорных, и в литературных сказках центральный персонаж обычно не отличается красотой, силой или другими качествами, скорее, наоборот. Так и Ластик – не просто «обыкновенный мальчик», но и самый маленький в классе по росту, с металлическими брэкетами на зубах, да ещё и плохо успевающий по математике. Парадокс заключается в том, что именно в этой «обыкновенности» кроется «необыкновенность». Естественно, читатель ждёт невероятных приключений героя, преодоления с помощью волшебных предметов непреодолимых препятствий и в итоге – его победы над злыми силами.

Писатель не обманывает этих ожиданий, сюжет развивается по классическому образцу. Ластик с честью выдерживает три испытания, устроенные таинственным «очень дальним родственником» Ван Дорном и подтверждающие, что он смел, находчив, великодушен, удачлив: не боится спуститься в тёмный подвал, куда зовёт его загадочный голос, хитростью спасается от страшной собаки, соглашается помочь божьему Михе и, наконец, выигрывает суперприз в уличной лотерее.

После этого мальчик слушает напоминающую *средневековый рыцарский роман* историю его далёкого предка Тео Крестonosца, участвовавшего в крестовом походе в Святую Землю и получившего в награду за ратные подвиги участок земли с голым трёхглавым холмом, где он и откопал «очень большой алмаз необычной, радужной окраски весом в 64 *кирата*». Попутно профессор Ван Дорн объяс-

няет Ластик и читателям, что «кират» – арабское название семени рожкового дерева, современные ювелиры называют эту единицу измерения, равную одной пятой грамма, «каратом» [2, с. 52].

Далее вплетается сюжет, похожий на *философскую притчу*, – рассказ о Райском Яблоке, «том самом, о котором говорится в Библии». Ван Дорн объясняет Ластик, что «Запретный Плод – это квинтэссенция Зла. Невероятно концентрированный заряд злой, разрушительной энергии. Пока он находился под надёжным присмотром, в Райском Саду, вселенная благоденствовала. Когда же Райское Яблоко вырвалось не свободу и покатило по свету, началась История Человечества, которая по большей части состоит из злодейств и преступлений. Два тысячелетия назад, ценой великой, невозвратной жертвы Запретный Плод был укрощён и зарыт в земле – на некоем лысом холме города Иерусалима. Сверху разрушительное яблоко было запечатано обломками окровавленного креста» [2, с. 54]. В качестве доказательства подлинности рассказанного Ван Дорн перечисляет ужасные потрясения и несчастья, обусловленные манипуляциями людей с Яблоком. Маленький Дорн должен исправить поступок Тео: добыть зловещий алмаз, чтобы спасти человечество от надвигающейся катастрофы. В помощь герою вручается волшебный предмет – унибук.

Большинство литературных сказок XX века граничит с фантастикой. Акунин соблюдает и это правило, используя популярные в *научной фантастике* сюжеты и образы. Например, мгновенные перемещения в прошлое (части «Вчера» и «Позавчера») и в будущее («Завтра»). Герой попадает туда через хронодыры – ходы, ведущие в другое время, которые «обычно расположены в исторических музеях, дворцах, подземельях, иногда в дупле очень старого дерева, а чаще всего на старинных кладбищах» [2, с. 64]¹. Предмет, призванный помочь Ластик, тоже фантастический – уникальная книга-компьютер, оснащённая показывающим хронодыры хроноскопом, способная дать ответ на любой вопрос, в которую к тому же «встроен синхронный перевод со всех языков и диалектов, как живых, так и мёртвых» [2, с. 94].

Знакомя мальчика с предстоящей ему миссией, Ван Дорн неоднократно подчёркивает, что «не сказки рассказывает, а излагает научно подтверждённый, хоть и мало кому известный факт» [2, с. 64]. Кроме того, научно-фантастическая линия подкрепляется в книге аллюзией на роман Стругацких «Трудно быть богом». Так названа глава в части «Позавчера», в которой идёт речь о попытке Юрки и Ластика провести реформы на благо державы.

В фантастическую канву вплетаются сюжеты других литературных жанров, прежде всего, *психологической* и *исторической повестей*. Так, события, изложенные в части «Вчера», особенно участие героя в цирковых выступлениях и взаимоотношения с Дьяболо Дьяболини, отсылают читателя к популярному на рубеже XIX–XX вв. сюжету *о цирке и маленьких циркачах* («Гуттаперчевый мальчик» Д. Григоровича, рассказы А. Куприна). А входящий в эту же часть вставной «Рассказ кавалериста» напоминает прозу *о военных походах и подвигах русского оружия*. Впрочем, эти аллюзии носят скорее пародийный характер, особенно это касается рассказа генерала Лавра Львовича, сопровождаемого язвительно-разоблачительными комментариями Дьяболо Дьяболини.

Герой Акунина оказывается не в абстрактном прошлом, а попадает в конкретные эпохи. Преддверие Первой мировой войны (1914 г.) и правление Лжедмитрия изображены обобщённо, но с акцентированием художественных деталей: описание жилища, одежды, привычек людей, речевых характеристик.

¹ Ср. с переходами, существующими на гранях миров в цикле повестей В. Крапивина «В глубине Великого Кристалла».

Как и в традиционной детской исторической повести, вымысел соседствует в книге Акунина с подлинными фактами: кроме сюжета о крестовых походах, можно назвать упоминание о пекинской экспедиции 1900 г., а также информацию о времени правления Бориса Годунова и царствовании Лжедмитрия.

Сочетание откровенной выдумки с имитирующими статьи *детской энциклопедии* справками унибука: пояснение незнакомых современному читателю слов (полуимпериял, мандарин, двугривенный и др.), а также краткая информация об исторических событиях (Пекинская экспедиция) и лицах (Углицкий Дмитрий (Димитрий); Годунов Борис Фёдорович; Лжедмитрий I; Шуйский, Василий Иванович; Мнишек, Марина или Марианна), – создаёт ощущение правдоподобия. Таким образом, историческая составляющая, как и полагается в книге, адресованной детям и подросткам, совмещает занимательный сюжет с познавательным материалом.

При этом создатель произведения откровенно играет с читателем, рассчитывая на его образованность. Примером может служить стилизованный под *житие* фрагмент, помещённый в начале главы, с красноречивым названием «Из “Жития блаженномудрого чудотворца Ерастия Солянского”».

Приведённый отрывок из якобы подлинной рукописи сопровождается подстрочным комментарием: «“Житие”, датированное 7114 (1606) годом, как почти все письменные свидетельства той смутной эпохи, впоследствии было уничтожено. Из рукописи, принадлежащей перу неизвестного автора, чудом уцелел всего один столбец (свиток), который мы и приводим здесь в переводе на современный русский язык. (Прим. ред.)» [2, с. 340]. Взятые в кавычки слово «житие» здесь не только представляет сокращённый вариант названия, но и указывает на условность принадлежности вставного фрагмента к упоминаемому жанру.

«Перевод на современный русский язык» пересыпан устаревшими (жупанчик польский со златыми *разговорами*, *ошую*, *юрод*, *молонья*, *одесную*) и стилизованными под них (*ранжеря*, *конфекты*, *крусталь*), но понятными из контекста словами, которые должны создать ощущение древнего текста. Оборванный на полуслове рассказ о чудесах «мудрого не по своим детским летам князя-ангела Ерастия Солянского» продолжается примерно в том же стиле, но дан уже в восприятии Ластика. В продолжении главы, как и в «Житии», устаревшие слова выделяются курсивом и раскрывается их значение: «Поправил *присяжное ожерелье* – высокий, стоячий воротник, весь расшитый жемчугом» [2, с. 346], «*тавлейное баловство* (то есть обыкновенные шашки)» [2, с. 355].

Стилизованы под издание рубежа XIX-XX веков и обязательные для детской книги иллюстрации художника Д. Гордеева – цветные картинки-вставки к ключевым эпизодам повести. Изображённые на рисунках персонажи одеты соответственно эпохе, но при этом в традициях книжной графики конца XIX в. дети напоминают уменьшенные копии взрослых.

В историческую линию входит и характерный для *психологической* повести сюжет о первой любви, причём представлен он двумя парами. Попавший в прошлое из 1967 г. Юрка Отрепьев, которому ко времени его встречи с главным героем уже за двадцать, и его невеста, а потом и жена Маринка Мнишек – воплощение распространённой истории юношеской любви и женского предательства. Отношения Ластика и Соломки напоминают скорее первую детскую привязанность, не предполагающую развития и поэтому обрывающуюся в связи с перемещением героя в будущее.

Глава «Завтра» значительно короче предыдущих и построена на сюжете *утопии*, который на наших глазах трансформируется в *антиутопический*. Путешествие в будущее (нередко совмещённое с космическим полётом на другую планету) – один из популярных сюжетов фантастических повестей, адресованных

детям, подросткам и юношеству. Как правило, герои попадают в идеализированный мир высокоразвитой цивилизации, как это происходит в «Туманности Андромеды» И. Ефремова или в менее известных сейчас книгах Г. Мартынова («Гость из бездны» и «Калипсо») и В. Милентьева («Обыкновенная Мёмба»).

Главный герой «Детской книги» в пространстве вообще не перемещается, оставаясь и во вчера, и в позавчера, и в завтра недалеко от своего дома, в районе старинной московской улицы Солянки. Нырнув колодец, Ластик выныривает в будущем, обозначенном в унибуке датой без указания года. Оказавшись в «20 мая никакого года», мальчик узнаёт привычный пейзаж и поначалу наслаждается прекрасной погодой, чистым воздухом. Но знакомство с обыкновенным, на первый взгляд, человеком, говорящем про себя в среднем роде, демонстрирует антиутопическую изнанку заявленного утопического сюжета. Ценой за чистоту и порядок, за техническую оснащённость, умение слышать и говорить без слов, за бытовую комфорт и биологическое бессмертие является остановка времени, отсутствие детей, а значит, и будущего.

Магдаитиро Ямададженкинс сообщает Ластикку, что эпоха Когда Время Двигалось завершилась глобальной катастрофой, в которой выжили только 884 человека, «самые умные и самые учёные – одним словом, самые лучшие люди Земли» [2, с. 517]. Причину гибели человечества это бесполое существо видит в том, что «людей на Земле было слишком много, и они были глупые. А теперь людей столько, сколько нужно, и все они умные. Поэтому ничего плохого больше произойти не может. Мир достиг совершенства и потому перестал изменяться. Из-за этого и время остановилось...» [2, с. 527].

Вариант будущего у Акунина не похож на сатирические антиутопии Е. Замятина или В. Войновича: идеальный социум лишён каких бы то ни было противоречий. Однако возможность торжества на Земле мёртвого времени пугает читателя сильнее, чем изображаемые в классической антиутопии общественные проблемы. И если дети испытывают страх, читая о герое-сверстнике, попадающем в руки злодеев, оказывающемся сначала в склепе на ночном кладбище, а затем в гробу, то взрослые переживают ужас от картин внешне благополучного стерильного города и идеального бессмертного человека среднего рода.

Отмечаемая исследователями «затянутость действия», которая «в какой-то момент ослабляет интерес» [4, с. 135] к произведению, объясняется, на наш взгляд, тем, что глава «Завтра», выполняющая в *детской книге* функцию связи, адресована *взрослому* читателю. Следуя правилам игры, писатель стремится сохранить и присущий этому роду литературы *двойной адрес*, предполагающий, что текст будут читать и дети, и взрослые.

Как большинство произведений для детей и подростков, повесть Б. Акунина основана на *игре*. «Игровая, утопическая фантазия автора, откровенно предлагающего читателю оценить его выдумки, <...> захватывает читателя, приглашает к сотворчеству, будит воображение. Автор сам увлечён процессом придумывания, наслаждается фантазированием, как ребёнок, и увлекает этим читателя» [3, с. 10]. Принцип построения книги напоминает традиционную игру-«ходилку», в которой читатели-игроки вместе с героем совершают фишками ходы в зависимости от случайно выпадающего на кубике числа: то получая бонусы, то пропуская ходы, то возвращаясь «по стрелкам» назад, то перескакивая вперёд. Напомним, что большинство таких игр создано по сюжетам литературных произведений.

Однако для читателя искущённого интереснее всего *словесная игра*, заключённая в сочетании лексико-стилистических пластов разных эпох и социальных слоёв общества. Разговорный язык соседствует в книге с нарочито правильной литературной речью, устаревшие слова и выражения – с молодёжным сленгом советского и постсоветского времени.

С одной стороны, это создаёт комический эффект, как в сцене первой встречи Ластика и Юрки, рассказывающего свою историю: «Попадаю, значит, ёлки-моталки, в 1592 год. Деваться мне некуда, ни фига не знаю, не понимаю. Короче, остался у монахов. Я в бога, само собой не верю, но *постриг принял, наречен иноком Григорьем*. Без этого в монастыре нельзя. Пожил в Лавре пару годков, надоело. Захотелось мир посмотреть. Пошёл бродить по свету. В Москве жил, в Чудовом монастыре. Не понравилось мне там – *несоюзно, душеసుино, братия дружна дружку поклёпничает*. Короче, полная хреновина. Свалил назад в Литву, в смысле не в Литовскую ССР, а это тут Украину так называют – «Литва» [2, с. 330].

С другой стороны, использование незнакомых слов, значение которых понятно из контекста или специально разъясняется, ненавязчиво расширяет словарный запас читателя. Наконец, такая игра помогает писателю «привязать» определённые события и вещи к конкретным историческим эпохам. Так, вернувшийся в «сегодня» Ластик обнаруживает, что «на нём так и остались *порты плисовые, сапожки ал-сафьян, рубаха макова с узорочьем, кафтан златоткан*» [2, с. 535].

Правилами игры, в которую втягиваются читатели разных возрастов, предусматриваются также аллюзии и реминисценции: упоминания персонажей и названий произведений русской и иностранной литературы, – книг, прочитанных Ластиком и Юркой. Так, слащавые и излишне вежливые с точки зрения главного героя обращения друг к другу детей на именинах у Липочки напоминают ему театр кукол Карабаса-Барабаса. А в главке «Лиса Алиса и кот Базилио» фокусник-злодей Дьяболо Дьяболини и его помощница Ивета сравниваются с персонажами «Золотого ключика», потому что их ссора из-за добычи вызывает у Ластика аналогии со сказкой А. Толстого.

У Юрки, который старше и по возрасту, и по эпохе, – он прибыл в прошлое из 1960-х годов, – происходящие с ним приключения рождают ассоциации с другими книгами: «Янки при дворе короля Артура» М. Твена, «Трудно быть богом» Стругацких. Упоминает он и знаковую для советского подростка XX в., но неизвестную мальчику начала XXI столетия повесть Гайдара «Тимур и его команда».

Так литературные аллюзии и реминисценции позволяют изобразить встретившихся в прошлом героев-погодков как представителей разных культурных эпох. Кроме того, это делает «Детскую книгу» привлекательной и для взрослых. Попутно отметим, что упоминаемые Юркой названия художественных фильмов «Фанфан-Тюльпан», «Каин Восемнадцатый» ничего не говорят современным детям и подросткам, но вызывают ностальгическое узнавание у старшего поколения.

Взрослым читателям адресована и отсылка к сюжетам *детективов* об Эрасте Фандорине, прадедушке главного героя. Мечтая о встрече со знаменитым предком, Ластик надеется «выяснить про подводные экспедиции Эраста Петровича, потом про его жизнь в Японии, и, конечно, про знаменитые нефритовые чётки. А ещё...» [2, с. 76]. Поскольку сборник повестей и рассказов «Нефритовые чётки» был издан через год после выхода в свет «Детской книги», перечисленные приключения знаменитого сыщика воспринимаются как завуалированная *реклама*, анонсирующая новые произведения этой серии. С той же целью, но только уже в расчёте на детскую аудиторию, в качестве заключительной фразы используется вложенное в уста профессора Ван Дорна традиционное «Продолжение следует».

Рождающий литературные аллюзии ряд заглавий и персонажей связывает рассматриваемые выше сюжеты художественных произведений, превращая их в узнаваемый и в то же время совершенно новый текст.

Список литературы

1. Акунин Б. Интервью // Известия. 2004. 24 дек.
2. Акунин Б. Детская книга: Роман. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 544 с.
3. Родина С. Виртуальные миры Бориса Акунина // Литературная Россия. 2002. № 34. С. 10.
4. Химич В. В. Автор и читатель в ситуации игры («Детская книга» Б. Акунина) // Русская литература XX века: проблемы изучения и обучения: часть I / Урал. гос. пед. ун-т; Ин-т филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник». Екатеринбург, 2006. 136 с.

Z. G. Krivousova

Novokuznetsk, Russian Federation

PLOTLINES OF FICTION USED IN B. AKUNIN'S «CHILDREN'S BOOK»

The subject of the article is the most common plots of Russian and foreign literature being gathered in «Children's Book» by Boris Akunin. The analysis proper is anticipated by some information on specificity of children's book as such. The plotlines of the narrative in question are considered in view of traditional genres presented in juvenile literature. As a result we can recognize plotlines peculiar to fabulous, psychological, historical, fantastic, detective, and dystopian kinds of narrative, as well as fragments stylized as hagiography or articles from children's encyclopedias. The attention is also focused on literary allusions and reminiscences, for instance, names of famous fictional characters (Alice the Fox and Basilio the Cat, Don Rumata, Prince Florizel), and titles of famous stories («A Connecticut Yankee in King Arthur's Court» by Mark Twain, «Timur and His Team» by A. Gaidar).

Keywords: plotlines of fiction, children's book, specificity of children's book, narrative genres, literary allusions and reminiscences.

Krivousova Zinaida G. – candidate of philology, associated professor of Novokuznetsk Institute of the Kemerovo State University (p/b 31, Novokuznetsk, 654011, Russian Federation; sinafil@yandex.ru; +7 (384 3) 62 79 18)